

**Олег Сидоров,**  
кандидат политических наук  
**ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**  
**КАК ИСТОЧНИК РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ**

Территория Центральной Азии (Узбекистан, Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан) составляет 3882 тыс. кв.км, население — свыше 53 млн. человек. При этом на протяжении веков регион испытывает недостаток водных ресурсов. Основой жизни здесь всегда были земледелие и скотоводство, а вода — главным лимитирующим фактором. После обретения независимости республики Центральной Азии направили свои усилия на подъем экономики, становление рынка, построение демократии, но оставили вне поля зрения одну из наиболее важных проблем — распределение водных ресурсов, что впоследствии сыграло серьезную роль в межгосударственных отношениях этих новых независимых стран.

Несколько рек Центральной Азии имеют межгосударственное значение: Амударья и Сырдарья (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан), Талас и Чу (Казахстан и Киргизстан), Или (Казахстан, Китай), Тарим (Таджикистан, Киргизстан, Китай), Иртыш (Китай, Россия, Казахстан), Тобол, Урал, Ишим (Россия, Казахстан). Весомая роль Каспийского моря, из-за которого в последнее время прилегающие к нему страны ведут споры, обусловленные проблемами использования его природных богатств и определения линии границы. Многие республики региона до сих пор не могут договориться об условиях использования водных ресурсов трансграничных рек, в результате чего стали расти засоленные площади. Так, доля засоленных орошаемых земель в Узбекистане достигла 50%, в Туркменистане — 37%, в Казахстане опустыненные и деградированные площади занимают 179,9 млн. га (66% территории страны), в Узбекистане и Туркменистане — до 80%. И если нынешние темпы засоления сохранятся еще несколько десятилетий, то основная часть сельскохозяйственных земель в бассейнах рек окажется непригодной для орошаемого сельского хозяйства. Актуальна и проблема использования 23 трансграничных рек, протекающих по территориям Казахстана и Китая. В настоящее время этот вопрос — один из основных аспектов их двусторонних отношений в сфере совместного использования водных ресурсов, и уже не один год эти страны обсуждают проблему увеличения забора воды из трансграничных рек Или и Иртыш на терри-

тории КНР. Данная проблема актуальна для Астаны, так как масштабное использование гидроресурсов Иртыша и Или на территории Китая сопряжено с негативными для Казахстана социально-экономическими и экологическими последствиями. В частности, река Или на 70% обеспечивает водой озеро Балхаш. А это озеро играет важную роль в экономике республики, ибо вода из него поступает на предприятия металлургической и энергетической промышленности, а также для нужд населения Прибалхашья.

Проекты по увеличению водозабора трансграничных рек и (или) изменения их направления сопряжены с большим риском, связанным с необратимыми последствиями в экологической, демографической, социально-экономической и политической сферах для государств региона.

Следует отметить, что Центральная Азия характеризуется постоянным ростом численности населения, значительно превышающим среднемировые показатели. И если в начале XX в., когда здесь проживало около 6 млн. человек, на душу населения приходилось почти 0,6 га орошаемых земель, то сегодня (при численности жителей свыше 40 млн. человек) — менее чем по 0,20 га, а в Узбекистане — менее 0,17 га. К тому же в результате непродуманных действий властных структур республик региона интенсифицируется процесс опустынивания его территории, а также продолжает расти доля засоленных орошаемых площадей. Разумеется, рост численности населения способствует и увеличению потребности в воде. И если в Киргизстане и Таджикистане воды в целом хватает, то остальные республики испытывают ее дефицит. Так, по обеспеченности водными ресурсами, по расчетам на одного человека, Казахстан занимает одно из последних мест в СНГ. Ресурсы поверхностных вод страны в среднем по водности год составляют 100,5 куб. км. Из них только 56 куб. км формируется на ее территории, а остальная вода поступает из сопредельных государств (Китая, Узбекистана, Киргизстана, России). В стране практически не осталось водных объектов, которые можно отнести к чистым. Между тем, как мы уже отмечали, реки Иртыш, Урал, Сырдарья и Или трансграничные, поэтому увеличение потребления их воды соседними государствами создают кризисные для отдельных территорий Казахстана ситуации. Так, ежегодный водозабор поверхностных и подземных вод в странах региона колеблется от 20% запасов воды (Казахстан, Таджикистан, Киргизстан) до 80—90% (Узбекистан, Туркменистан). И можно прогнозировать дальнейший дефицит водных ресурсов (с учетом роста численности населения): в ближайшие десять лет потребности могут увеличиться еще на 20%.

Наряду с реками в Центральной Азии есть ряд водохранилищ: Токтогульское с несколькими расположенными ниже ГЭС — в Киргизстане; Кайраккумское — в Таджикистане; Шардаринское — в Казахстане. Но основная водная артерия региона — река Сырдарья, которая проходит по территории Узбекистана, Таджикистана, затем опять Узбекистана и после Кайраккумского водохранилища “доносит” свои воды до Казахстана, где и впадает в Шардаринское водохранилище. Немаловажную роль в ирригационной системе региона играет и канал “Достык”, головные сооружения которого размещены на территории Узбекистана. Отсюда и зависимость юга Казахстана от политической игры узбекских властей и государств, расположенных выше по течению Сырдарьи. В советское время было создано Управление по регулированию водоснабжения республик Центральной Азии. После распада СССР, в период “парада суверенитетов”, эту организацию преобразовали в межгосударственное предприятие “Сырдарья”, которому передали все сооружения, находящиеся на одноименной реке, и ранее принадлежавшие Казахстану, Узбекистану, Киргизстану и Таджикистану. Фактически эта структура стала монополистом в распределении водных ресурсов между центральноазиатскими республиками. Но есть одна немаловажная деталь, сыгравшая в данном вопросе роковую роль: головной офис “Сырдарьи” находится в Ташкенте, в результате чего Узбекистан строит отношения с соседними республиками, оказывая на них давление через организации подобного рода.

Наиболее предпочтительным вариантом преодоления зависимости Казахстана от Узбекистана в вопросе водопользования считается проект строительства Коксарайского водохранилища вместимостью 3 млрд. куб. м и водовода в Мактааральском районе, соединяющего Шардаринское водохранилище с каналом “Достык”. По оценкам специалистов, стоимость этих работ составит 160 млн. долл.

Можно апеллировать и к соглашению, регулирующему использование водноэнергетических ресурсов бассейна реки Амударьи, которое было подписано в рамках Центральноазиатского экономического сотрудничества. На основании этого документа должны утверждать режим работы водохранилищ и объемы поставок электроэнергии, но, к сожалению, все принимаемые по этим вопросам решения остаются только на бумаге.

Если более тщательно рассматривать функции водохранилищ в Центральной Азии, то выводы напрашиваются сами. Это, во-первых, аккумулятивное водных ресурсов для их дальнейшего использования в ирригационный период; во-вторых, создание запасов воды для ГЭС; в-

третьих, их используют в качестве рычага давления на соседние страны. Например, впервые за годы независимости Бишкек ответил на отключение узбекского газа аналогичными мерами, суть которых сводилась к тому, что если Ташкент не хочет остаться без воды в ирригационный период, то он должен выполнять принятые на себя обязательства по поставке голубого топлива в Киргизстан. К тому же вследствие повышенного сброса воды из водохранилищ каскада Нарынских ГЭС возникла угроза экологической катастрофы в Ферганской долине Узбекистана, так как из-за неконтролируемого сброса из Токтогульского водохранилища в реку Нарын резко колебался объем воды — от 450 до 700 куб. м в секунду, что подмывает и разрушает дамбы в Учкоргонском, Нарынском и Уйчинском районах Наманганской области Узбекистана. При этом необходимо учитывать, что дальнейший сброс столь большого количества воды может привести к затоплению прибрежных населенных пунктов и сельскохозяйственных участков на территории этой страны. На данном примере видно, как амбиции руководителей центральноазиатских государств привели юг Казахстана к энергетическому кризису и создали угрозу экологической катастрофы в узбекской части Ферганской долины, т.е. решение Киргизстана увеличить выработку электроэнергии имело бы непредсказуемые последствия для экономики и экологии не только Узбекистана, но и всего региона. При этом не следует упускать из виду весьма важную особенность Киргизстана — обилие водных ресурсов. На его территории формируется одна из величайших водных артерий Центральной Азии — Сырдарья, которая обеспечивает водой страны, расположенные по так называемому “нижнему течению” этой реки.

Подобное противостояние между Ташкентом и Бишкеком будет сохраняться в ближайшей перспективе. И каждый год будет изобиловать конфликтными ситуациями, в которых Киргизстан может намного увеличить зимний сброс воды, а затем перейти на летний режим, из-за чего хлопковые плантации Узбекистана окажутся в критическом состоянии. Учитывая, что в узбекской части Ферганской долины самая высокая в мире плотность населения, можно прогнозировать вероятность социального взрыва, что негативно скажется на всем регионе. При этом следует принимать во внимание, что при сохранении подобной тенденции будут резко уменьшаться запасы питьевой воды и, как следствие этого, ухудшится эпидемиологическая обстановка в крупных городах Узбекистана: Намангане, Андижане, Фергане и Коканде. В связи с этим вопрос о регулировании сброса воды приобретает не только внутривнутриполитическое значение. Многие руководители уже стали понимать, что от этих конфлик-

тов пострадает не только международный авторитет государств Центральной Азии, но и их безопасность.

После обретения суверенитета и продолжающейся делимитации государственных рубежей многие природные ресурсы региона оказались по разные стороны границ, в результате чего прежние правила пользования гидроресурсами безнадежно устарели.

Мы уже отмечали, что вода в Центральной Азии — один из важнейших стратегических ресурсов. Однако она до сих пор остается бесплатной. Отсюда возникают проблемы межгосударственных отношений, которые накладывают отпечаток не только на политическое, но и на социально-экономическое развитие стран. При этом все проблемы многоаспектные и несут в себе потенциал роста напряженности как внутри республик, так и на региональном уровне. Наиболее обеспечены водой Таджикистан и Киргизстан, где формируются соответственно 50 и 30% стока бассейна Аральского моря. Но из-за нерешенности вопросов об оплате за хранение и пропуск воды в ирригационный период с водохранилищ, расположенных на их территории, даже эти две страны столкнулись со многими проблемами. Вопросом вопросов для них стала угроза экономической безопасности, так как дефицит финансирования, направленного на поддержание нормального технического состояния гидротехнических сооружений, может привести к необратимым последствиям, если огромный объем воды хлынет на равнинную часть Ферганской долины. Потенциальная угроза будет направлена не только на ее население, будет нанесен значительный вред экологии региона.

Проблема № 2 обусловлена нынешними отношениями между республиками региона, которые после распада СССР постоянно ведут борьбу за доминирование и независимость в политической и экономической сфере. Таким образом, вопрос об использовании гидроресурсов все больше приобретает не только экономическую, но и политическую окраску. Всем центральноазиатским странам ясно, что государство, которое будет контролировать распределение гидроресурсов в регионе, сможет не только отстаивать свою позицию в отношениях с соседними республиками, но и навязывать свои правила в региональной политической игре.

Третья проблема — решение вопроса “о переквалификации” гидроресурсов из природного компонента в товар. В настоящее время необходимо создать рабочую группу, в которую должны войти эксперты всех республик Центральной Азии, по выработке законов и нормативно-правовых актов относительно условий и правил использования водных ресурсов. В этом заинтересованы Киргизстан и Таджикистан. Они пред-

лагают придерживаться принципа, провозглашенного дублинской конференцией (1992) “Вода и экологическое равновесие: Вопросы развития на XXI столетие”: “...Вода имеет экономическую стоимость при всех ее конкурирующих видах использования и должна признаваться товаром”. А Узбекистан и Казахстан отказываются признать воду в качестве товара. Кстати, в настоящее время отсутствуют международные нормативно-правовые акты, регламентирующие межгосударственное вододелиение.

Четвертая проблема — определение позиции Киргизстана и Таджикистана по отношению к использованию гидроресурсов, находящихся на их территории. Существуют два режима использования данных ресурсов: ирригационный и энергетический. В настоящее время Киргизстан и Таджикистан работают в режиме искусственного орошения, т.е. вода в основном идет на удовлетворение потребностей Казахстана и Узбекистана, возникающих с началом периода ирригации, в результате чего Бишкек и Душанбе лишены возможности накапливать воду для выработки электроэнергии, что, разумеется, не соответствует их национальным интересам. Если Киргизстан и Таджикистан будут эксплуатировать гидроузлы зимой, то получат существенную прибавку электроэнергии. При этом в летнее время, с началом ирригационного периода, в Узбекистане и Казахстане возможна сильнейшая засуха, которая отразится на урожайности. И опять появляется вероятность возникновения межгосударственного конфликта.

Не менее важна проблема, связанная с демографической ситуацией в Ферганской долине. Рост количества ее населения (в совокупности с дефицитом воды и ограниченностью сельхозугодий) в перспективе будет играть ключевую роль в появлении и развитии межгосударственных разногласий, переходящих в скрытые конфликты, обусловленные территориальными претензиями. Отметим, что латентная фаза конфликта по вышеупомянутым параметрам за короткий период перерастет в открытое противоборство, способное вовлечь в свою орбиту весь регион.

Еще одна проблема напрямую связана с предшествующей, так как при сложной демографической ситуации конфликты начнутся не только между государствами, но и внутри них, что позволит политической оппозиции активней привлекать в свои ряды новых сторонников из числа рядовых граждан. Социальный взрыв в республиках, подкрепленный политическими требованиями, вовлечет регион в длительный конфликт, так как вызовет цепную реакцию его населения, в первую очередь жителей Ферганской долины.

Особое внимание необходимо уделить террористическим организациям и экстремистским группировкам. Исламский экстремизм в сочетании с “водным вопросом” способны взорвать всю Центральную Азию. Учитывая интерес руководителей ее республик только к получению прибыли от использования водохранилищ и отсутствие действенных мер безопасности, террористы смогут использовать водохранилища в качестве инструмента для реализации своих угроз. Хотя в настоящее время мало кто из глав государств Центральной Азии задумывается над подобным сценарием развития событий, вероятность организации терактов велика. И если республики уверены, что подобные вылазки возможны только в многолюдных городах, а не на территории водохранилищ, то они глубоко заблуждаются.

Все упомянутые выше проблемы не только станут актуальными в будущем, но и сейчас играют значительную роль в отношениях между центральноазиатскими странами. Так, с началом ирригации каждый год обостряются отношения между Киргизстаном и Узбекистаном, а камнем преткновения между ними становится Нарынский каскад ГЭС. Порой доходило до того, что Узбекистан проводил в районе Токтогульской ГЭС (около узбекско-киргизской границы) учения по захвату “хорошо охраняемого объекта” с использованием бронетехники и военной авиации. А власти Бишкека использовали эти учения для организации в СМИ кампании, направленной на информирование якобы населения Киргизстана, но в первую очередь предупреждавшей Ташкент о том, что если в результате террористических действий будет взорвана плотина Токтогульской ГЭС, то хлынувшая вода не только не сможет быть полезной Узбекистану в ирригационный период, но даже затопит Зеравшанскую и Ферганскую долины. Что касается разногласий между Астаной и Ташкентом, то они связаны с вопросом о равноправном использовании Нарын-Сырдарьинского каскада водохранилищ, в результате чего Узбекистан систематически отключает южные области Казахстана от газа и электричества. В ответ на это Астана однажды отключила Ташкент от международной телефонной связи.

У Таджикистана также есть шансы расширить свое влияние в Центральной Азии, что, по понятным причинам, не понравится его соседям. Например, он может взять под контроль значительную часть гидроресурсов Амударьи — по завершении строительства Рогунской ГЭС этот контроль составит 100%. Следует отметить, что при подобном раскладе Душанбе сможет воздействовать на принятие решений Ташкентом и Ашхабадом, так как хлопкосеющая часть Узбекистана и юг Туркменистана

окажутся в прямой зависимости от Таджикистана. Ашхабад планирует создать свое водохранилище в Каракумах, основным источником наполняемости которого будет Амударья, и привлечь ресурсы реки Обь. Площадь Каракумского рукотворного озера должна составить 2 тыс. кв. км. На реализацию этого проекта потребуется 15—20 лет при его стоимости от 4 до 5 млрд. долл. Однако можно только догадываться о количестве воды, которую получают сопредельные страны, после того как водохранилище наполнится живительной влагой. Республики региона должны осознать, что водные ресурсы с каждым годом будут оказывать все большее влияние на его развитие. Но по нынешнему состоянию дел видно, что они не склонны к компромиссу, а выбирают иной путь — обострение межгосударственных отношений с целью занятия доминирующей позиции в Центральной Азии.

Неразрешенность вопроса об использовании гидроресурсов становится серьезным тормозом в урегулировании многочисленных региональных, внутренних и локальных конфликтов, превращаясь в перманентную болевую точку во взаимоотношениях всех пяти стран. Особо стоит отметить, что эти проблемы становятся большим препятствием в экономическом развитии данных государств. Вода все более превращается в стратегическое оружие в спорах между республиками. И от того, как они отнесутся к решению обозначенных проблем, будут зависеть расстановка сил в регионе и перспективы 58 млн. его жителей. Сложная демографическая ситуация неизбежно вызовет рост потребности населения в воде; по прогнозам, в предстоящие 20 лет спрос на нее увеличится на 40%. И это станет фактором, определяющим внутригосударственную политику республик Центральной Азии, а также и межгосударственные отношения. Вопрос использования гидроресурсов в сочетании с геополитикой влияет на активизацию сепаратизма. Эти три составляющие в отношении региона взаимосвязаны и взаимозависимы. И проблема гидроресурсов будет обуславливаться геополитическими интересами данных государств, сопровождаться сепаратизмом на региональном уровне. Становится очевидным, что на мероприятия по поддержанию и развитию гидроэнергетики, а также систем орошаемого земледелия необходимы значительные финансовые средства. Но, учитывая социально-экономическую ситуацию в странах региона, в одиночку они вряд ли решат проблемы гидроресурсов. Все эти республики должны активизировать свои действия для привлечения инвестиций развитых стран.

Еще раз отметим, что вода была, есть и будет важнейшим геоэкономическим и стратегическим ресурсом развития государств региона.



Взяв под контроль гидроресурсы, любое из них получит возможность не только поддерживать собственную экономику, но и модернизировать ее. При этом в социальной сфере исчезает один из ведущих факторов, влияющих на рост недовольства населения правительством и своим положением, что позволяет реально контролировать ситуацию в стране.

*“Центральная Азия и Кавказ”,  
Лулео (Швеция) 2003 г., № 5, с. 183–190.*